

Леонард Золотарёв

200-летию М.Ю. Лермонтова

ТИТАНЫ НА СКАЛЕ

Отблеск эполетов

Обитатели земной небесный житель,
Очерчивая безднам Млечный путь,
Под Пятигорском демон – искуситель
Свинец нацелит Лермонтову в грудь.

Падёт поэт на отблеск эполетов –
Посланец Прометея в мир иной.
Огонь дал людям, клан создал поэтов,
Скалу раздвоил мыслью не одной.

Увидел звёзды от вершин Кавказа,
А в Индии прозрел медовый вереск.
Спит под луной, с газелями Ширази,
Скала под ним, в цепях двуглавый Эльбрус.

Прикованный - рванёт ту цепь! И снова
Его туда, к титану под кольцо.
Вот что такое Лермонтова слово!
Венец терновый, лавры со свинцом.

На той скале, во льдах зимой и летом
Дух Прометея, отблеск пистолетов.

15 октября 2014 г.,
г. Орёл

Думочка

(Затерянные миры)

Моя подушка – думочка
Поверх большой подушки
Под голову, под ушки
Положена - лежит.

Моя подушка – думочка
Помножена на души,

На пуговики чинуши
Застёгнута - лежит,
Когда всё тело спит.

Моя подушка – думочка
Задумалась о чём – то.
Какой – то сон экспромтом
Сплотился в монолит.

Моя подружка - думочка
Задумалась о ком – то.
Какой – то штат Висконта
Из – за го - горизонта
Меня всю ночь сверлит.

Моя подружка – думочка
Всё думает и думает.
Сумой пугает, суммою,
Положена - лежит.

Моя подушка – думочка,
Искусственная суммочка,
На мне всю ночь лежит,
Всё надо мной кружит.
Всё виснет и дерзит,
Всё санкцией грозит.

Моя подушка – думочка,
Искусственная суммочка.
И всё –таки, и всё - таки
Так сладко потянусь,
Когда к утру проснусь.
Какое слово первым я скажу?
И следом, что твержу?
«О Русь! О Пушкин – наше всё! И боль.
И Лермонтов при этом».
Подумайте: легко ль
Быть на Руси поэтом?
Привезённый двухлетним сюда –
Всё гляжу на свои города.

В Мишково

Сельцо такое Мишково
Тут где-то под Орлом.
А тарантас с Нарышкино
Протарахтит. И вслед верхом
Мчит кто-то на коне лихом.

Проедет Оптуху, приблизится к Оке,
Крестьянку встретит:
- Где проживает Глебов?
- А кто он? Пень в реке?
- Мой родич.
- А сам – то кто?
- Свалился с неба.

Башлык в пыли, сапог худой.
Кавказ, поручик молодой...
Когда то было?
Теперь, не только под Орлом,
Поэтов видят тут в любом.
А Мишково – в заветной лире –
Так знают в целом мире.

Дедушкина быль

Проколочу по полу пятками,
Нырну к нему под одеяло:
- Скажи – ка, дедушка, за святками
Про старину, как всё бывало.
А он мне, дедушка Герасим,
Крестьянский староста когда – то,
Помножит цифры девять на семь
Да и начнёт:
- Внучок, внучата!
С чего сам взялся? С ЦППШ -
С церковно – приходской...
И потихоньку, не спеша
Начнёт читать, махнув рукой,

Стихи, сюда, в мои пять лет,
Как будто прежний непокой
Прихлынет с дедушкиной лаской,
Превидной лермонтовской сказкой
Премилый дедушкин портрет:
«- Скажи–ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана.
Ведь были схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие.
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина...».
Лежу и слушаю, внимаю,
Всё помню – первые стихи,
Любых других не понимаю –
Ни про любовь, ни про грехи,
А эти всё про ядра, пушку,
Про кивера и в поле дым...
Ещё не знал, не брал на мушку,
Что к нам тут, к малым и седым,
Уж подбирается война.
Кровопролитье, кровь своя.
Что гибнут (смерть уже видна)
Все дедушкины сыновья.
Что скоро тут, на Серединной,
И те появятся, приедут
Со свастикой в колонне длинной.
Короче, прикатили следом.
«Полковник наш рождён был хватом
Слуга царю, отец солдатам,
Да жаль его, сражён булатом,
Он спит в земле сырой».
Но вот вернулись наши части,
К нам сталинградские полки
На пепелище и на счастье
Пришли и стали у Оки.
«Скажи–ка, дядя, ведь недаром»
Опять у нас Бородино.
А с ним, спалённое пожаром,
И наше поле заодно.

Что под Москвою с пылом, с жаром
И тут, в Сабурово, не врозь,
Для нас, срединных, ведь недаром
С Освобожденьем всё слилось.
И Лермонтов опять же с нами
В Сабурово тут, за Окой,
Он поднимает наше знамя
Своей незыблемой рукой.
Святая Русь! Отсюда враг
И покатился на закат.
Ушёл от нас тевтонец – молох,
И я тому, конечно, рад.
За то, что Лермонтов и Пушкин,
Бородино и Куликово.
За то, что слово, как из пушки,
За Русь стоять всегда готово.
«Скажи-ка, дедушка, недаром,
Русь, опалённая пожаром,
Не отдана была врагу».
Мы с ней, на нашем берегу.

Герои нашего времени

В институте по русскому
Курсовую изрек.
Тему взял я не узкую –
Девятнадцатый век.
Смерил Гоголя Плюшкиным,
Пролистал ночь за ночью,
Оказался же с Пушкиным
С «Капитанскою дочкой».
Время пулей, в душе благодать,
Но побудьте в студенческой шкуре.
С полсеместра я взялся писать
Курсовую по литературе.
Мы говорим «Пушкин» и вспоминаем Лермонтова,
Мы говорим «Лермонтов» и вспоминаем Пушкина.
Героев нашего времени, а не царя свергнутого,
Не царевну из сказки лягушкиной.
Квакни только в ином направлении,

Враз, как лягушке, шею свернут.
Не высывайся, не попадай в тернии.
Не Пушкин, не Лермонтов, кто ты тут?
Пишу про Лермонтова, удовольствие получаю,
И тут – остановка.
Стало как – то неловко.
Времени вроде не отвечаю.
Пересчитал по пальцам дуэли:
Кого срезали, кому навесили гири?
Нарисовал фигу на акварели
И замолчал месяца на четыре.
А курсовую пора уже сдавать.
На душе темновато и больно
Как это без Лермонтова мир осознать,
Литературу обзреть
С высокой – то колокольни?
Поехал из Курска домой на «собачьи дни»,
На эти самые, на каникулы.
К друзьям. Может, помогут, они
К мифологии повернуться ликами?
Книжек набрал чемодан, чемоданище.
Писать не писал, но читал.
Курсовую в себе созидал –
С небоскрёб, огромное зданьище.
Пора возвращаться. А поезд ночью.
Попутка взяла и бросила.
Стемнело, станцию впереди вижу воочию.
Тащу чемодан. Руки вздулись. Дело к осени.
Болдинскую осенью набит чемодан,
Лирикой лермонтовской, мифами припорошенный.
В зубах несущу, Лермонтов с Пушкиным там,
Никогда и никем ещё не были брошены..
Так и живу. Балуюсь рифмой и вермутом,
Каштаны таскаю рукой из огня.
Что б ни случилось, слово храня,
Знаю я, что Пушкин с Лермонтовым,
Толстой с Тургеневым –
Наши светочи, гении –
Ни за какие пфенниги,
Ни за что, на пути моём, не оставят меня.

Учитель

Учитель на селе я. Среди дня,
Где складывать буквы танкисты
Когда-то учили меня
В поре той бессмертной, неистойвой.

Я русскому в пятом учу.
Задания про пословицы
Вчера дал, сегодня хочу
Спросить, что там, в народе-то, молвится?

Вначале пусть вслух наизусть
Читают «Бородино»...
Выходит к доске создание одно –
Стропила, слега, и пусть!

Читает:

«Полковник наш рождён ухватом,
Слуга царю, отец солдатам...»...

Смех в классе, говорю ей:

- А что, по-твоему, ухват?

Голос в классе:

- Чем чугушки таскают с печки.

Говорю:

- Ну да. А это про солдат.

Своё «Бородино» у нас. Орденосец Гречкин,

Погиб он тут недалеко.

Тогда в сраженье, в сорок третьем,

Как тот полковник, был герой...

- Кровь с молоком.

- Ну да. В малиновом берете.

И лёг майором под Сабурово.

А если б не погиб на нервной почве,

В полковниках ходил бы, это точно.

- А Лермонтов? Поручик всё? -

Сказала ученица Дурова.

- Да нет, - ответил добрый мальй. –

Поручику уж двести лет,

Добрался бы до генерала.

Сказал и я, учитель, на весь класс,
Подняв высокое забрало:
- Он Лермонтов, он Лермонтов у нас!
А это выше генерала.

Предзимье

Белеет парус одинокий
М.Ю. Лермонтов

Так грустно, ветры свищут в поле,
И тучи тянутся к стерне.
Ни ковылей в степи на воле,
Ни снов в притихшей стороне.

Куда летишь, золотая пчёлка?
Одна под осень, с летом врозь.
Не пью нектаров я, и только,
А горьковатое хоть брось.

Из-под кубанки чубчик вьётся
Предзимья сень, моря хлебов.
И парус белым остаётся
Со скифским гимном про рабов.

У соседей

«Выхожу один я на дорогу».
Голос тихий, всё объято сном.
Знаю, чей он. С ним мы, слава Богу,
Тот романс классический поём.

Голос крепнет, всё звончее голос.
Пусть звучит, летит до самых звёзд.
Путь тернист, скрипит под санный полоз
По ночам крепчающий мороз.

Утром прибегу к соседям, к Нюре
За парным коровьим молоком.
- Кто-то пел, - мне скажут. – В лунном мире
Слышится отсюда далеко.

- Лермонтов играл вчера на скрипке,
Я ему маленько подпевал. –
Так отвечу ей не без улыбки. –
Лермонтов морозцем рисовал.

На окне какие изразцы!
Вы с поэтом, Нюра, молодцы!

Под дубом вековым

В Синяевском, где всё Алёшной живо,
Волну несёт на звёздный хоровод
И где шумит желтеющая нива,
Зелёный дуб мой на юру растёт.

Зайдёт гроза ль, ударит ли в макушку,
Под кручей, цепенеющий, стою.
То, замирая, слушаю лягушку,
То, оживая, сам себе пою.

И медленно желтеющая нива
Уходит за волнистый окоём.
В Синяевском, где всё Алешней живо,
Под звёздами, под дубом мы вдвоём.

Кольцо

Обитатели земной небесный житель,
Поэту глядя в умное лицо,
Века стремится демон-искуситель
Надеть на палец узкое кольцо.

Бывает смысл в строке не слову тесен,
А перстню с пальца, с покорённых рук.
Но Лермонтов держал их на эфесе,
На офицерском символе без мук.

Стоял один пред многоликой бездной
На той Скале, расправив гордо грудь.
В воде живой и минеральной, трезвой
Он выбирал свой одинокий путь.

Обители земной небесный житель,
Не венчан был, он знал кольца предел.
Вот потому-то демон-искуситель
Кольца поэту так и не надел.

И со Скалы сияют в наши годы
Дух Прометея, факелы Свободы.

30 октября 2014 г.